

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXXIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

Н. М. БАЧИНСКИЙ

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ТУРКМЕНИИ *

Архитектурные памятники Туркмении, возведенные в IX—XII вв., представляют особую группу сооружений в зодчестве Средней Азии и соседних стран. Эти сооружения безвестных мастеров так оригинальны и своеобразны, что можно говорить о собственном архитектурном направлении, основанном на местных традициях и локальных вкусах. Высокохудожественная сдержанность архитектурных форм, лаконичность которых может считаться классической в зодчестве домонгольского периода, строгий, но нарядный декор прекрасного рисунка, без арабесковой запутанности, и великолепной расцветки, без чрезмерно ярких контрастирующих красок,— хорошо прослеживается на этих архитектурных памятниках.

Выросшая полностью на местной строительной традиции, архитектура Туркмении развивалась своеобразно, хотя говорить о полном отрыве ее от общеархитектурных течений соседних стран Средней Азии, конечно, нельзя.

Наиболее ранние памятники из обожженного кирпича в архитектуре Туркмении до сих пор датировались XI в. н. э.; они демонстрируют признаки того направления в зодчестве Средней Азии, которое в X—XII вв. дало, пожалуй, лучшие образцы местного мастерства. От Мервского оазиса на западе до Ферганского края на востоке, у разных народов по-разному можно проследить некоторую общую направленность стремлений зодчих к органической связи конструкции с убранством и к выполнению его самыми скудными средствами, по преимуществу из того материала, из которого выполнены и конструкции (т. е. из кирпича и ганча). Этот своеобразный стиль слабо отражен в сооружениях зарубежного Востока; в нашей же Средней Азии он представлен прекрасными памятниками.

На территории Туркмении имеются мало известные, но весьма ценные примеры архитектурных формообразований, которые, вне всякого сомнения, предшествовали памятникам XI—XII вв. Мы имеем здесь в виду те круглые в плане мавзолеи, в облике которых можно видеть попытку перенести в монументальные формы привычные очертания кочевой юрты. Два мавзолея в районе Парау и два в районе Мешед-и-Мисариана характеризуют этапы более или менее последовательного развития этой интерпретации зодческого замысла.

В стране высокой строительной культуры с определенными традициями такое явление в архитектуре, как упомянутые круглые мавзолеи, представ-

* Сокращенный текст доклада, прочитанного на Среднеазиатской Сессии ИИМК в Ленинграде в 1948 г.

ляло, конечно, только некоторое ответвление от общего русла архитектурного развития и не оказало сколько-нибудь серьезного влияния на общую последовательность возникновения и развития архитектурных форм и убранства. Тем не менее явление это представляет значительный интерес именно в Туркмении, где большая часть населения в X—XII вв. занималась перегонным скотоводством, следовательно, вела кочевой образ жизни, а меньшая часть оседала постепенно в земледельческих районах, переходя к новым формам хозяйства и к новым формам строительства. Эти туркмены не только восприняли и развили далее местные архитектурно-строительные традиции, но и внесли в них много собственного, оригинального. Как один из этапов развития (во всяком случае, попытки развития) архитектурных форм в духе еще чисто кочевнических вкусов и может рассматриваться группа круглых мавзолеев.

Эти четыре мавзолея относятся, безусловно, к домонгольскому периоду. Построенные в разное время, они представляют собой примеры одного и того же архитектурного направления, вновь и вновь возникавшего среди туркменских зодчих. Направление это может быть охарактеризовано как стремление найти в монументальной форме привычный взору кочевника образ юрты. Памятники эти до сих пор не были опубликованы и почти неизвестны не только относительно широкому кругу архитекторов и строителей, но даже узкому кругу исследователей-специалистов.¹

Нам не удалось обнаружить никаких сведений об этих мавзолеях ни в этнографической, ни в исторической литературе, хотя оба пункта (Мешед-и-Мисариан и Парау) достаточно рано упоминаются в источниках.

Так, например, Белазури, писавший в IX в. н. э., в своем сочинении «Книга завоеваний стран» упоминает о Мешед-и-Мисариане, носившем тогда наименование Дихистан, и повествует об осаде этого города в 717 г. н. э.²

Парау упоминается под именем Ферава, Фурава и Афрова как некий укрепленный пограничный пункт, воздвигнутый в VII в. н. э. на юго-западной окраине пустыни Кара-Кум в защиту от набегов кочевников-гузов.³

Первый⁴ памятник дошел до нашего времени несколько искаженным, что не исключает, однако, возможности расшифровки его бывшего облика (рис. 57). Некогда это было круглое в плане сооружение, перекрытое высоким куполом, эллиптическая форма которого очень близка к ранним сырцовым образцам. Позднее стены памятника были с внешней стороны (примерно, на половину общей высоты сооружения) взяты в своеобразный «футляр», изменивший внешний круглый абрис плана на квадрат; кроме того, со стороны входа был пристроен портал, перекрытый сводом. Свод этот впоследствии рухнул, и судить о нем можно только по остаткам кладки в пятах этой конструкции; на самом портале видны следы многочисленных ремонтов.

Первоначально мавзолей был выстроен только из обожженного кирпича, тогда как пристроенные позже части стен и портал покоятся на цоколе из камня неправильной формы.

¹ Впервые на эти памятники обратил наше внимание Г. И. Карпов в 1936 г.

² Ср. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 64. М.—Л., 1939. В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа — Туркмения, т. I, стр. 12. Л., 1929.

³ Ал-Истахри, автор X в. н. э., в сочинении «Книга путей стран». Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 176. Л., 1939.

⁴ Так как ни один из четырех описываемых мавзолеев не сохранил имен погребенных в них лиц и все мавзолеи окрестным населением называются «авлия», «гумбез» или «мазар», то в дальнейшем мы будем называть их условно: «первый», «второй», «третий» и «четвертый» в том порядке, как они приводятся нами в иллюстрациях и в тексте.

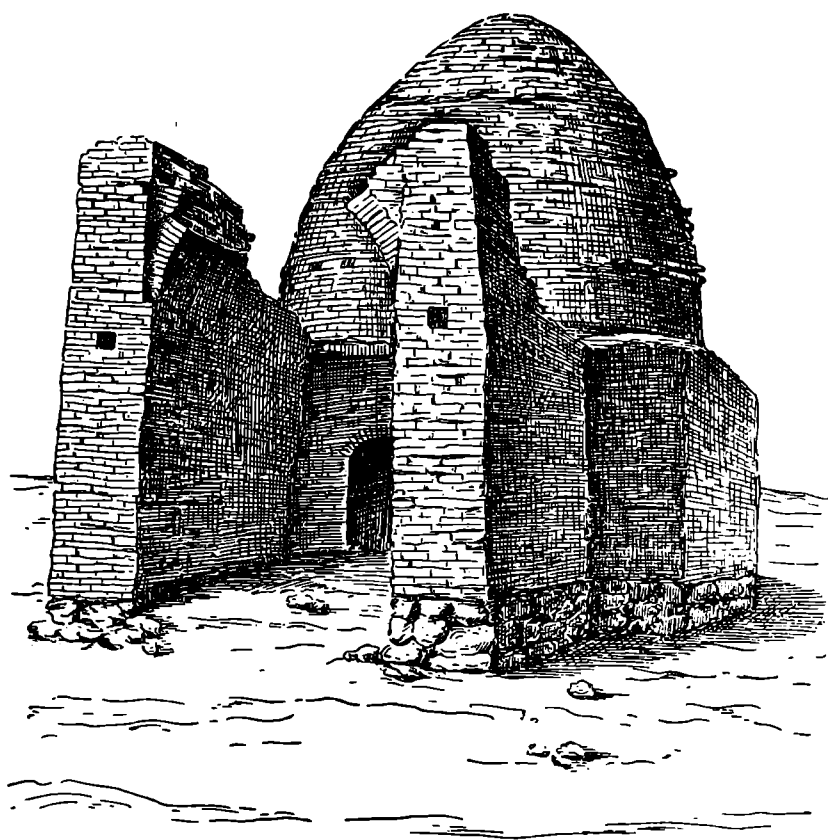

Рис. 57. Первый мавзолей

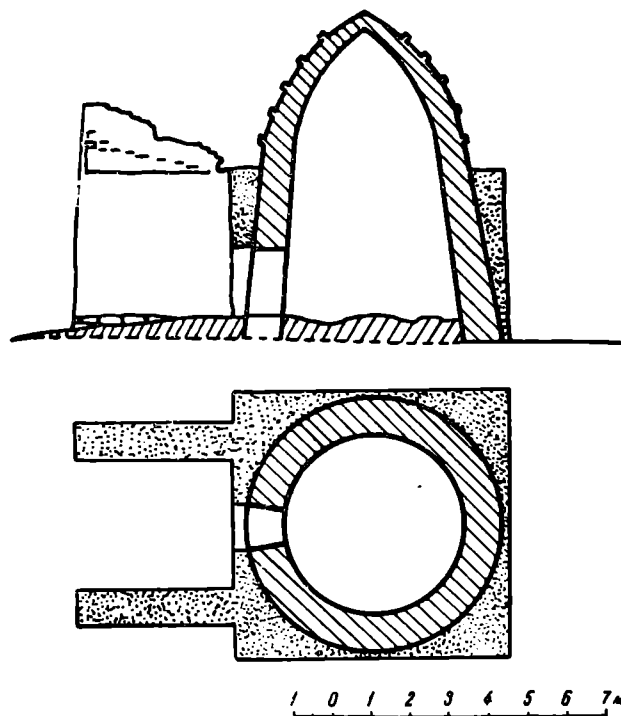

Рис. 58. Вертикальный разрез и план первого мавзолея

Входной проем в мавзолей перекрыт аркой плоского очертания; этот же проем является и единственным световым отверстием. Совершенно гладкая кладка внешних и внутренних стен, без каких бы то ни было членений по вертикали, равно как единственный проем во всем сооружении, делают этот памятник по облику очень близким к юрте, хотя эллиптические очертания купола мавзолея находятся в некотором противоречии с обычной стрельчатой формой верха туркменской юрты. Возможно, что здесь перед нами пример недостаточного технического умения строителя при стремлении к определенному образу (рис. 58).

Очертания купола и позволяют отнести этот мавзолей к наиболее ранним памятникам кирпичной архитектуры не только в Туркмении, но и в Средней Азии. Если мавзолей саманидов в Бухаре датируется началом X в., а так называемый мавзолей Фахр-ад-Дина Рази в Куня-Ургенче, вероятнее всего, XI в.,⁵ то первый из круглых мавзолеев можно отнести к IX—X вв. н. э. Материал сооружения — обожженный кирпич — нисколько не противоречит этому, так как в Туркмении обожженный кирпич применялся в большом количестве еще до VII в. н. э., а строительный раствор — глина — только подтверждает это. В ранних кирпичных сооружениях именно глина служила строительным раствором, а ганчем широко пользовались как отделочным материалом для гладких и резных штукатурок. Не менее убедительна и форма кривых образующих на куполе, где еще отчетливо видны традиции сырцовых кладок, когда мастер очень осторожно изгибал кривую, опасаясь крутого наклона кирпичка в отдельных кольцах кладки, так как это вело к сползанию кирпичка с медленно схватывавшегося раствора — глины.

Второй из этих мавзолеев (рис. 59) представляет круглое в плане сооружение, сложенное из обожженного кирпича на глиняном растворе. По вертикали мавзолей членится на три части — собственно стену, пояс перехода к куполу и купол; эти членения, ясно видимые с внешней стороны, внутри сооружения отсутствуют. Вход перекрыт аркой очень плоского очертания. Позже, вероятно в порядке «благочестивого ремонта»,⁶ была сделана попытка пристроить портал, который впоследствии обвалился. Разновременность постройки самого мавзолея и попытки украсить его порталом легко определяются по различным растворам в кладке. Из сохранившихся памятников этот мавзолей по своим формам, пожалуй, ближе всего к юрте, хотя здесь привычная спокойная кривая абриса юрты нарушена с внешней стороны упомянутым членением по вертикали, вызванным конструктивными соображениями (рис. 60).

Свет в мавзолей проникает через входной проем и небольшое окно, расположенное в подкупольном кольце кладки. Впечатление интерьера мав-

⁵ Н. М. Бачинский. Мавзолей Куня-Ургенча. РГТФАН, Ашхабад, 1940; Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии. М., 1940; Б. П. Денике. Искусство Средней Азии. М., 1927; его же. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939; Б. Н. Засыпкин. Памятники архитектуры в Средней Азии, их реставрация. Сб. «Вопросы реставрации». М., 1926.

⁶ Большинство архитектурных памятников культового назначения как в Туркмении, так и вообще по всей Средней Азии носило или носит до сих пор следы ремонтов, выполненных не специалистами-строителями, а разными лицами «по обету». Обеты эти давались по разным поводам и выполнялись обычно весьма простыми средствами: трещины замазывались глиной или штукатурились, под штукатуркой же скрывались и более серьезные дефекты куполов и стен; иногда, впрочем, можно наблюдать и дополнительную облицовку кирпичом, как, например, в первом мавзолее.

На михрабной стене мавзолея Мухаммад-Ханапия нами было снято 13 слоев штукатурки, лежавшей на первом слое, покрытом древней росписью XII в. Подобного же характера «ремонты» обнаружены и на многих других архитектурных памятниках Туркмении — на мавзолее султана Текеша, на мавзолее Наджм-ад-Дин Кубра в Куня-Ургенче, на мечети в Анау и др.

Рис. 59. Второй мавзолей

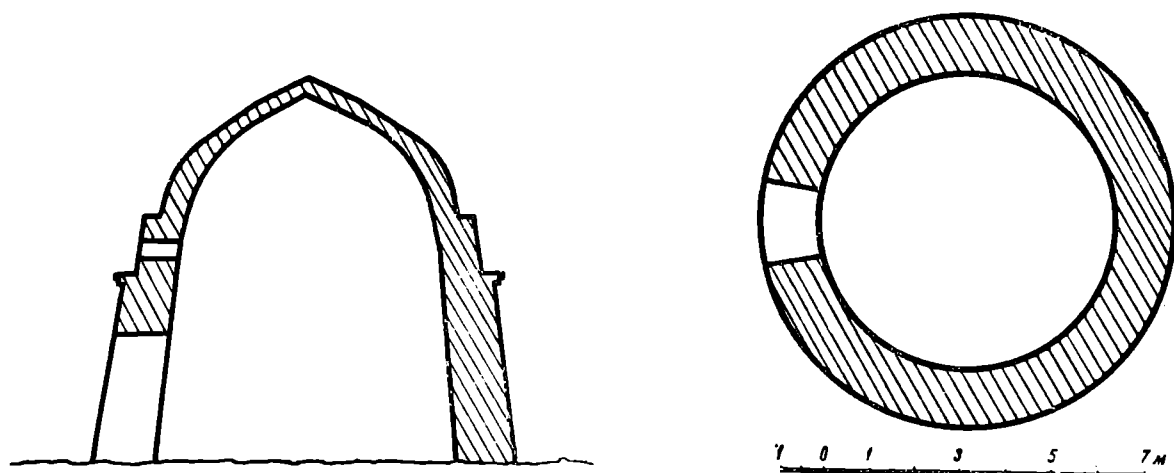

Рис. 50. План и разрез второго мавзолея

золея исключительно близко к интерьеру юрты, что, вероятно, и являлось основной задачей строителей.

Третий круглый мавзолей (рис. 61) представляет собой уже более развитой архитектурный образ. Сооружение остается еще очень простым и скромным внутри, но его внешность демонстрирует уже отход от простого подражания облику юрты применением чисто архитектурного декоративного приема — оформлением внешней поверхности стены ложной аркадой по всему периметру.

Стена этого мавзолея, как и у первого и второго, круглая в плане, но покоится уже на небольшом цоколе (0.6 м), выше которого с внешней стороны гладкая кладка переходит в глухую аркаду из 14 неглубоких ложных ниш, увенчанных арками. Этот аркатурный пояс, общей высотой 1.5 м, охватывает всю внешнюю стену, за исключением той ее части, где расположен вход и где могли быть размещены еще две такие арочки. Таким образом, стена была расчленена зодчим на 16 арок, но выложено их было только 14, а на месте двух из них прорезан входной проем, очертания и размеры которого совпадают с очертаниями внешнего обвода такой арки.

Выше пояса декоративных арок поднимается гладкая кладка, обрывающаяся выступающим декоративным пояском-карнизом из одного ряда кирпича «углом» и двух рядов гладкой кладки на нем. Этот карниз образует верхний обрез стены мавзолея, а выше идет кольцо барабана купола, прорезанное на западной стороне двумя небольшими окнами. Кладка барабана сдвинута на один кирпич внутрь (по сравнению с внешним полем стены) и, поднимаясь на 1.1 м, постепенно уменьшается в диаметре, являясь, таким образом, не барабаном, а нижней частью самого купола. Для лучшего стока атмосферной влаги верхний ряд кладки барабана выложен с большим наклоном к внешней стороне (рис. 62).

Выше барабана (уступом на один кирпич вглубь) начинается кладка купола, с внешней стороны почти правильного полуциркульного очертания. Однако при рассмотрении интерьера памятника мы видим, что кольцевая кладка купола начинается на уровне внешнего карниза стены и что, таким образом, здесь снова пример эллипсовидного очертания кривых образующих, характерных, как сказано, еще для сырцовых кладок. В связи с этим нельзя не отметить высокого мастерства зодчего, нашедшего простое и разумное решение, позволившее скрыть ложным барабаном непривлекательные по существу очертания эллипсовидного купола, который, надо полагать, удовлетворял мастера больше других форм только с технической стороны. Что строителю третьего мавзолея эти другие формы были знакомы, можно установить хотя бы по очертаниям стрельчатых ложных арок на внешней стене.

Своими простыми формами и пропорциональностью членений все сооружение производит впечатление большой законченности. Нет сомнения, что мавзолей этот дело рук талантливого мастера, сумевшего придать небольшому сооружению черты монументальности, изысканной нарядности и большой выразительности.

Несмотря на некоторые разрушения, третий мавзолей хорошо сохранился, особенно если учесть, что кладка всех частей сооружения выполнена на глиняном растворе. Исключением является только какая-то пристройка у входа в мавзолей, дошедшая до нас сильно разрушенной. Датировать третий мавзолей можно, скорее всего, IX в. н. э. Как сказано, сооружение демонстрирует все черты большого умения строившего его мастера, но в памятнике нет ничего характерного для убранства аналогичных по назначению памятников X в. (мавзолей Мир-Саид-Бахром в Кермине, мавзолей Шейх-Кевир в Мешед-и-Мисариане или мавзолей саманидов в Бухаре, не говоря уже о чертах более поздних сооружений XI—XII вв.).

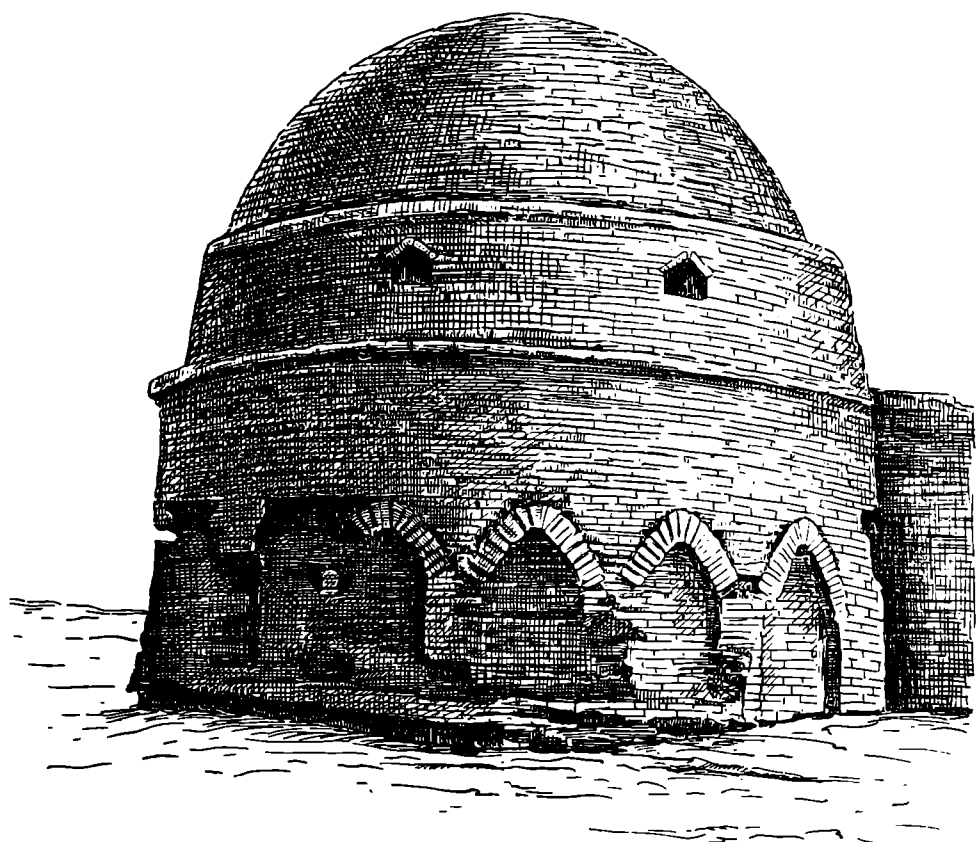

Рис. 61. Третий мавзолей

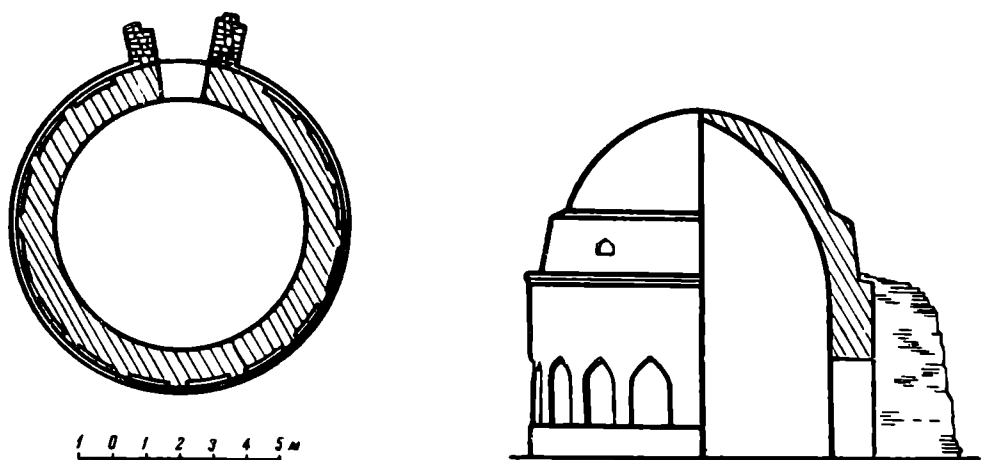

Рис. 62. План и вертикальный разрез третьего мавзолея

В качестве связующего материала применена еще глина, столь обычная в ранних кладках из обожженного кирпича, а купол, хоть и остроумно разделенный с внешней стороны на собственно купол и декоративный барабан, является еще эллиптическим, хотя внутри он производит впечатление стрельчатого, из-за разницы в толщине кладки его нижних и верхних частей (три кирпича у пяты и только один кирпич на скуфье).

Очень характерны для ранних памятников перемычки, которые мы здесь видим над световыми проемами в барабане купола. Перемычки эти выполнены каждая из двух кирпичей, поставленных наклонно один к другому, так же как это сделано в световом проеме над входом во второй круглый мавзолей.⁷

Четвертый из этой группы мавзолеев (рис. 63) — уже весьма развитое архитектурное сооружение. И если первые три памятника можно рассматривать, как некие близко расположенные звенья в одной цепи последовательного развития, то четвертый мавзолей следует считать звеном, расположенным за первыми тремя после разрыва, образовавшегося на месте каких-то не дошедших до нас памятников строительного искусства.

Четвертый мавзолей в основе своего плана, как и предыдущие три памятника, исходит из круга, однако здесь простой круг стен усложнен шестью башнями с внешней стороны, которым соответствует шесть мощных устоев внутри; на эти устои опираются пяты шести арок, несущих на себе барабан и купол. Арки эти переброшены над шестью нишами, одна из которых прорезана проемом и служит входом в мавзолей (рис. 64).

Стены мавзолея охватывают пространство большее, чем перекрываемое куполом, для чего барабан сдвинут внутрь и покоится на упомянутых устоях и арках над нишами;⁸ с внешней стороны совершенно ясно подчеркнута зодчим значимость стен и как бы второстепенная роль барабана и купола. Это необычно в монументальной архитектуре Средней Азии, где таких примеров почти нет и где купол оставался доминантой не только в допортальном зодчестве, но и позже — с внедрением портала «пиштака», почти обязательного элемента в каждом монументальном здании, начиная с XIII в.

Внешние стены выложены с незначительным расширением книзу, но в выступающих из них полубашнях оно особо подчеркнуто, что придает всему памятнику вид крепостного сооружения; это, впрочем, могло быть и специальным заказом зодчему, если, например, мавзолей являлся местом погребения какого-нибудь военачальника.

Строительный материал четвертого мавзолея — обожженный кирпич очень высокого качества, обычной плиточной формы ($26 \times 26 \times 5.5$ — $27 \times 27 \times 5.5$ см). Раствор в кладке — очень тощий ганчевый; точнее его следовало бы назвать глино-ганчевым, так как соотношение этих компонентов, примерно, 3 : 1 (три части глины, одна часть ганча); в кладке арок и купола это соотношение изменено; здесь ганча больше, и соотношение, вероятно, близко к 1 : 1.

Это обстоятельство в известной мере говорит за сравнительно раннее происхождение памятника, когда ганч, хотя и вошел уже в строительную

⁷ Такого рода перемычки из двух наклонно поставленных друг к другу кирпичей широко распространены были в сырцовом зодчестве. На многочисленных памятниках первых веков нашей эры в Хорезме подобные перемычки применены на бойницах крепостных стен и укрепленных замков (например, в Ата-Тюрк-Кала, датируемой II—III вв. н. э., или в еще более раннем памятнике Уллы Гульдурсун начала нашей эры и мн. др.).

Ср. работы С. П. Толстова и А. И. Тереножкина, посвященные ранним памятникам Хорезма, а также статью С. А. Ершова о памятниках левого берега Аму-Дарьи в сев.-зап. Туркмении.

⁸ Здесь мы имеем, пожалуй, самый ранний для Средней Азии пример поисков зодчим такого решения, которое не лимитировало бы размера внутреннего пространства размерами купольного перекрытия.

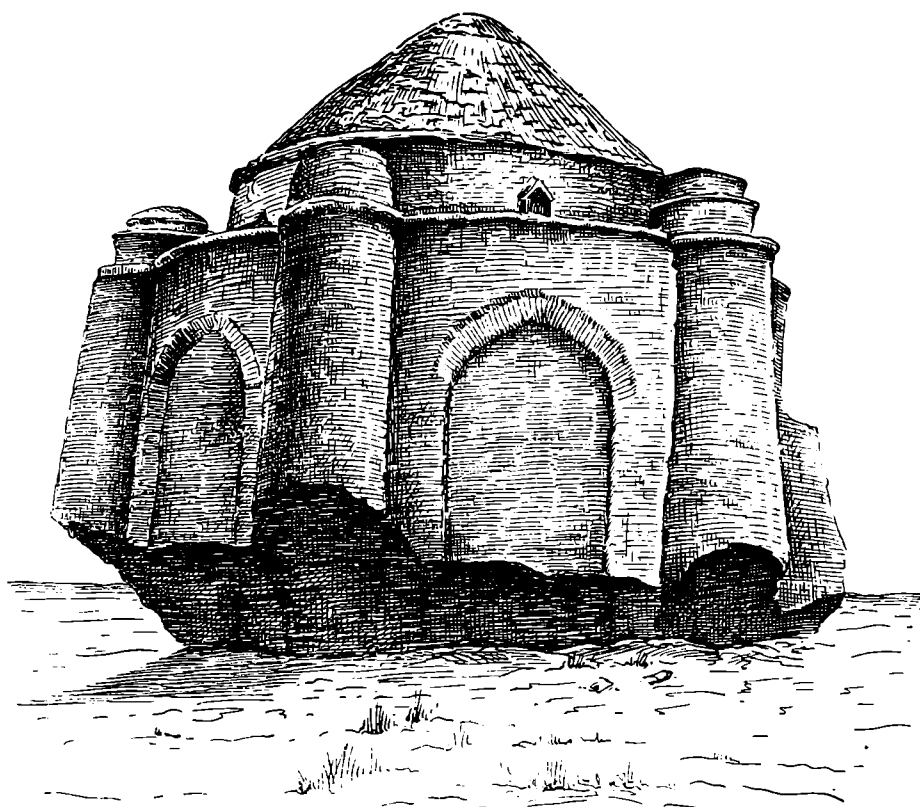

Рис. 63. Четвертый мавзолей

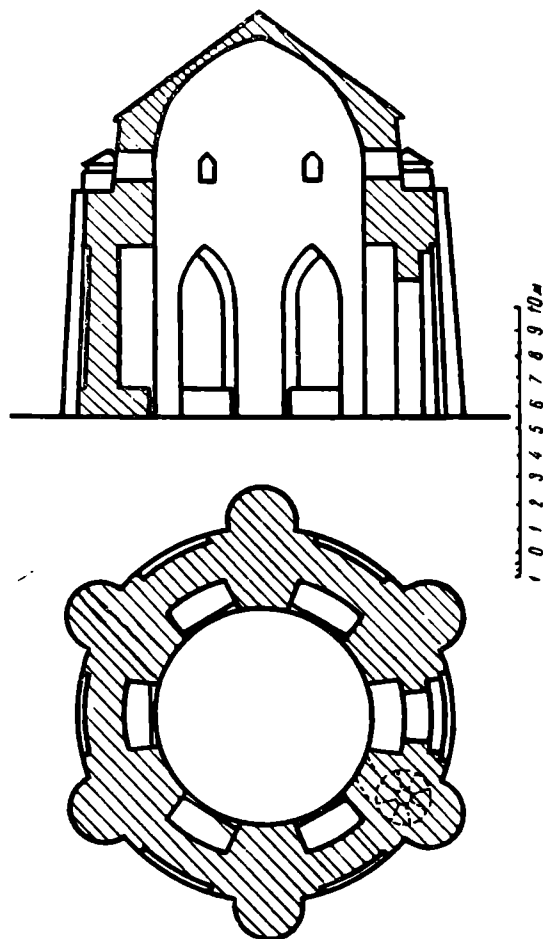

Рис. 64. План и разрез четвертого мавзолея

практику, все же не мог еще полностью вытеснить традиционный глиняный раствор.⁹ В то же время как раз на примере четвертого мавзолея можно установить, что строившему зодчему уже совершенно очевидны были преимущества быстро схватывающихся ганчевых растворов при бескружальной кладке таких конструкций, как арка, свод, купол. Нельзя, конечно, упускать из виду и более высокую стоимость ганча как материала, требовавшего обжига, перемола и пр., т. е. материала, несомненно, увеличивавшего сметную стоимость сооружения. Что такие предварительные сметы зодчими составлялись, представляется нам бесспорным, хотя этот вопрос в специальной литературе еще и не разрабатывался с должной полнотой. И в этой связи значительный интерес представляет текст летописи Рашид-ад-Дина в рассказе «Повествования о Газан-Хане». Здесь прямо указывается и на проектные чертежи и на смету как на одно из средств борьбы с различными злоупотреблениями строителей и подрядчиков, поставлявших материалы. Повествуя «о любви государя ислама к благоустройству и поощрении к тому людей», Рашид-ад-Дин сообщает:

«...государь ислама дела благоустройства так прибрал к рукам и завел такой порядок, что лучше нельзя. Он выбрал повсюду надежных, честных чиновников, на которых можно положиться, назначил их во главе строительства и перевел им деньги. Он (Газан-хан) назначил достойных доверия чиновников, честных и опытных писцов и умеющих составлять чертежи зодчих. Очень расчетливо определяли все материалы, (их) стоимость и стоимость работы при таком их количестве, чтобы если производящие расчет с рабочими лица совершат преступления, недостача и убытки ложились бы на них. Доверенные лица и оценщики постоянно считали уже использованные материалы и те, которые предназначены для работы, и, основываясь на этом, требуют отчета от каждого подотчетного лица. Все так твердо установлено, что если даже через сто лет захотели бы составить смету на них (стройки) и отпустить деньги, то пусть сопоставят расчеты битикчиев с материалами, которые израсходовали на работу, и немедленно истина отчетливо отделится от неправды, причем решительно (смета) не окажется ни ниже, ни выше. Никогда ни один доносчик не найдет возможности упрекнуть за работу тех чиновников и зодчих. При каждом деле назначены смотрители, чтобы не допускать применения в работе плохих материалов. Соблюдение такого порядка и предосторожности лежит на их (чиновников и зодчих.— Н. Б.) обязанности. Затем еще — (поставку) всех... материалов сдавали с подряда по установленным ценам, так что сорта их были определены и утверждены».¹⁰

Считаем своим долгом объяснить привлечение нами летописи Рашид-ад-Дина, автора XIII в., в помощь расшифровке порядка производства строительных работ в предшествующие века. Ни один из восточных авторов, писавших до Рашид-ад-Дина, не приводит сколько-нибудь определенных сведений об организации строительных работ и о порядках, существовавших на строительствах в описываемые ими эпохи. С другой стороны, мы не можем не считаться с тем, что Рашид-ад-Дин не был ни зодчим, ни строителем, и приводимые им сведения о смете, строительных чертежах, контроле и т. п. представляют настолько разработанную систему, что нет никакого сомнения в их определенной давности, чтобы не сказать — традиционности.

⁹ Надо думать, что первое время ганч рассматривался строителями как раствор, для которого обычным наименованием было «глина». Это и привело, вероятно, к рождению самого слова «ганч», произносимого во многих местностях Средней Азии, Кавказа и Закавказья, как «гяч, кач, геч». Этим словом называлась глина на языках яфетической группы.

¹⁰ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, стр. 225—226. Л., 1946.

Зная привязанность к традициям в архитектуре Средней Азии, в частности Туркмении, мы не можем не признать, что внезапное появление в строительной практике XIII в. таких нововведений, как смета и чертеж, едва ли было вероятным и возможным.

Нет сомнения, что уже задолго до Рашид-ад-Дина на строительстве практиковались предварительные расчеты технические и финансовые.

Сведения же, приводимые в сочинении Рашид-ад-Дина, являются, по нашему мнению, не чем иным, как сводкой всех уже издавна бытовавших правил и порядков, принятых строителями в их взаимоотношениях с заказчиком, с одной стороны, и поставщиками строительных материалов — с другой. Издание же этих правил в законодательном порядке вызвано было, очевидно, той постепенной нормализацией взаимоотношений в производственной жизни возрождавшейся страны, в которой были заинтересованы чингизиды.

* * *

Кладка стен и башен четвертого мавзолея проведена с тщательной перевязью швов, что необходимо подчеркнуть в связи с относительно сложной конфигурацией плана сооружения. Обрез верхнего края внешней стены акцентирован выпуском кирпичной полочки, проходящей по всему периметру здания; полубашни выше этой кромки увенчаны были круглыми надстройками с купольными завершениями. Насколько можно установить, в одной из этих надстроек был выход на кровлю по винтовой лестнице, проходившей внутри полубашни, расположенной слева от входа.

Каждая из шести внешних сторон стен мавзолея украшена плоской декоративной стрельчатой аркой (углубленной только на $\frac{1}{2}$ кирпича), соответствующей внутренней глубокой нише. Над замком каждой из этих арок в барабане купола размещено по оконному проему.

Верхняя кромка барабана купола, как и верхний обрез стены, подчеркнута выпуском кирпичной полочки, являвшейся нижним обрезом купола. Купол был коническим, но еще не вытянутым вверх, как это известно по хорезмийским памятникам XI—XII вв. (в мавзолеях Фахр-ад-Дина Рази и султана Текеша). Это объясняется, впрочем, тем, что купол был единым, без рубашки над ним, как в названных куня-ургенчских памятниках. В ортогонали очертания купола очень близки к двум прямоугольным треугольникам, с соотношением сторон 3 : 4 : 5. Правда, купол очень пострадал от времени, особенно его скаты; ремонты исказили его форму.

Как сказано, в плане четвертый мавзолей является уже довольно сложной композицией. Кольцо стен круглого плана усложнено не только с внешней стороны шестью выступающими полубашнями, но и внутри мавзолея пятью глубокими стрельчатыми нишами. Простенки между ними, выступая вперед, поднимаются вверх в виде мощных устоев, несущих на себе барабан купола. Основание этого барабана опирается также на арки, завершающие ниши, одна из которых (шестая) прорезана входным проемом. Входной проем архитектурно разработан в виде трех расположенных одна за другой, последовательно уменьшающихся арок; первая по размерам соответствует внешней декоративной, следующая несколько меньше (равна проему внутренней ниши), а третья уменьшает проем еще на 40 см с каждой стороны и углублена на столько же.

В вертикальном решении, однако, композиционная сложность исчезает, и внутренность мавзолея производит впечатление изысканной простоты и спокойной монументальности.

Гладкая серо-белая ганчевая штукатурка интерьера сравнительно хорошо сохранилась, чего нельзя сказать о внешней штукатурке, хотя последняя несет на себе следы неоднократных ремонтов.

Свет, проникающий через шесть окон в барабане, рассеивается главным образом в верхней части внутренней поверхности купола; таким образом, купол освещен лучше, чем нижележащие части стен, из-за чего он кажется выше и легче. Вниз этот свет доходит мягким и рассеянным, особо подчеркивая стрельчатые очертания глубоких теней в верхних частях ниш. Это распределение света в интерьере четвертого мавзолея — одна из деталей, которые характеризуют высокое мастерство зодчего, сквозящее как в композиционном построении целого, так и в разрешении деталей этого уникального памятника.

Несколько наклонные внутрь стенки барабана несут на себе с внешней стороны конусообразное, круглое в плане, покрытие, единственной аналогией которому является перекрытие мавзолея Астана-Баба. Здесь на четвертом мавзолее прямому скату внешней стороны круглого шатра в интерьере соответствует кривая стрельчатого купола, что выполнено кладкой в едином массиве, без применения так называемой «рубашки», широко использованной, например, в более позднем зодчестве Хорезма.

Четвертый мавзолей является памятником большого мастерства неизвестного строителя, показавшего не только композиционную зрелость, но и соответствующее конструктивное умение. Нет сомнения, что для своего времени четвертый мавзолей был выдающимся произведением искусства. И теперь еще, почти десять веков спустя после постройки, памятник этот поражает своей законченностью и гармоничностью.

Полное отсутствие декоративных отделок — фигурной кладки и резного штуча — позволяет датировать этот памятник концом IX — началом X в. В X в. оба названных вида архитектурного убранства нашли уже широкое применение. Особенно это следует отметить в отношении фигурных кирпичных кладок, если считать, впрочем, что бухарский мавзолей саманидов (X в.) представляет в этом отношении характерный пример. Мы позволяем себе эту оговорку на том основании, что на памятниках Туркмении фигурные кирпичные кладки как декоративный прием характерны не для X и XI вв., а для XII в. Доказательством этого является убранство каравансарая Дая-Хатын и мавзолеев Мухаммад Ханапья и Талхатан-Баба. Орнаментированная же терракота как облицовочный материал применялась в Туркмении уже в XI в., как и на других памятниках Средней Азии, а резной штук в архитектуре «послеарабского» периода представлен в Туркмении такими великолепными памятниками IX—XI вв., как михраб мавзолея Шейх Кевир и внутренняя отделка соборной мечети в Данденакане, убранство которой поражает богатством мотивов единого декора — резного ганча.

В связи с этим следует отметить некоторые особенности датировок памятников архитектуры Туркмении, развитие убранства которых шло, возможно, своими собственными путями и отличается несколько от развития архитектурных отделок на памятниках других территорий Средней Азии. Правда, сразу же необходимо оговориться, что наше современное суждение о памятниках ограничивается, естественно, кругом сооружений, дошедших до нашего времени. Многие постройки, характерные для архитектуры своего времени, бесследно исчезли и в лучшем случае только упоминаются современными им авторами. А сколько памятников погибло, не удостоившись даже только такого упоминания?

Различие во времени применения одних и тех же видов архитектурного убранства в Туркмении и по ту сторону Аму-Дарьи (в Мавераннахре) намечается с X—XI вв.; в это время в Бухаре и Узгене применялись парные и фигурные кирпичные кладки, известные на памятниках Туркмении только с XII в. (Ханапья, Талхатан-Баба). С другой стороны, великолепный образец резной штукатурки в архитектуре Туркмении датируется, как

сказано, IX — XI вв., а в Мавераннахре представлен памятником XII в. — резным ганчем во дворе термезских правителей,¹¹ хотя резной ганч как архитектурное убранство применялся в Средней Азии и много раньше, чему убедительным доказательством является отделка двора бухархудатов в Варахше.¹²

Возвращаясь к четвертому мавзолею и к его датировке, считаем необходимым обратить внимание также и на упомянутый уже купол этого мавзолея — шатровый с внешней стороны и стрельчатый внутри.

Как сказано, единственной аналогией перекрытию этого мавзолея является купол другого архитектурного памятника Туркмении — мавзолея Астана-Баба, датируемого концом XI — началом XII в. Однако на мавзолее Астана-Баба мы видим уже фигурные кирпичные кладки и даже зарождающийся в зодчестве того времени портал, среднеазиатский «пиштак». И надо думать, что круглое в плане конусообразное покрытие в мавзолее Астана-Баба является скорее своеобразной реминисценцией, чем современной ему конструкцией, тогда как на четвертом мавзолее этот купол соответствует всему конструктивно-декоративному замыслу зодчего.

Все четыре описанных памятника демонстрируют нагляднейшим образом самостоятельность архитектурного мышления местных строителей и оригинальность их творческих исканий. Переход от архитектуры сырцово-глиняной со всей ее спецификой к архитектуре кирпичной неизбежно должен был вызвать подобные искания, так как качественные достоинства нового материала побуждали закономерно к поискам новых конструкций и форм.

На примере этих же памятников мы видим, как стремление зодчего к определенному образу породило сперва простую и лаконичную форму и как эта простейшая форма, развиваясь, в дальнейшем приобретала у новых мастеров все новые и новые архитектурные качества. Усложняясь, первоначальная форма нашла свое наиболее полное развитие в четвертом мавзолее. Здесь уместно еще раз подчеркнуть, что если первые три памятника могут считаться, с большей или меньшей долей вероятности, близкими звеньями в какой-то цепи эволюции, то четвертый мавзолей, вне всякого сомнения, является этапом, довольно далеко отстоящим от третьего.

Уточнение этого обстоятельства, как и решение вопроса датировки, будет осуществлено дальнейшей, уже совместной работой археолога и архитектора.

¹¹ Б. П. Деник е. Резная штукатурная стенная декорация в Термезе. Труды РАНИОН, вып. 3, М., 1928.

¹² В. А. Шишкин. Архитектурная декорация дворца в Варахше. Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Гос. Эрмитажа. Л., 1947.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

61

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1956

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ
В СЕЛЕНИИ АСТАНА-БАБА*(Из работ Южнотуркменистанской археологической
комплексной экспедиции 1948 г.)*

Селение Астана-баба расположено в 12 км к северо-западу от г. Керки, на стыке орошенных земель Аму-Дарьинского побережья и сыпучих песков.

Архитектурные памятники района мало известны. В эпоху присоединения Туркестана и Прикаспия Керки оставался во владении бухарского эмира. В эту пору памятники прошлого привлекали внимание лишь случайных любознательных посетителей. В числе их был офицер русской службы, любитель-художник Б. Литвинов, сделавший зарисовку с комплексного здания «подземной мечети-усыпальницы» и составивший подробное описание памятника и связанных с ним легенд¹.

В советское время район посещался экспедицией Туркменкульта (1931 г.), пришедшей к неверному отождествлению селения Астана-баба с упоминаемым средневековыми географами городом Земмом; четырехстолпный зал описанного Б. Литвиновым памятника был сочтен за элемент мечети IX—X вв. этого города. В архиве Туркменского филиала Академии Наук СССР хранятся фотографии, выполненные, видимо, по заданию Туркменкульта с двух архитектурных памятников Астана-баба: «мечети» и расположенного в 3 км от нее безымянного мавзолея.

Однако сооружения эти ни разу не были объектами специального историко-архитектурного обследования². Детальное изучение их было осуществлено нами в 1948 г. при работах 12-го отряда ЮТАКЭ³.

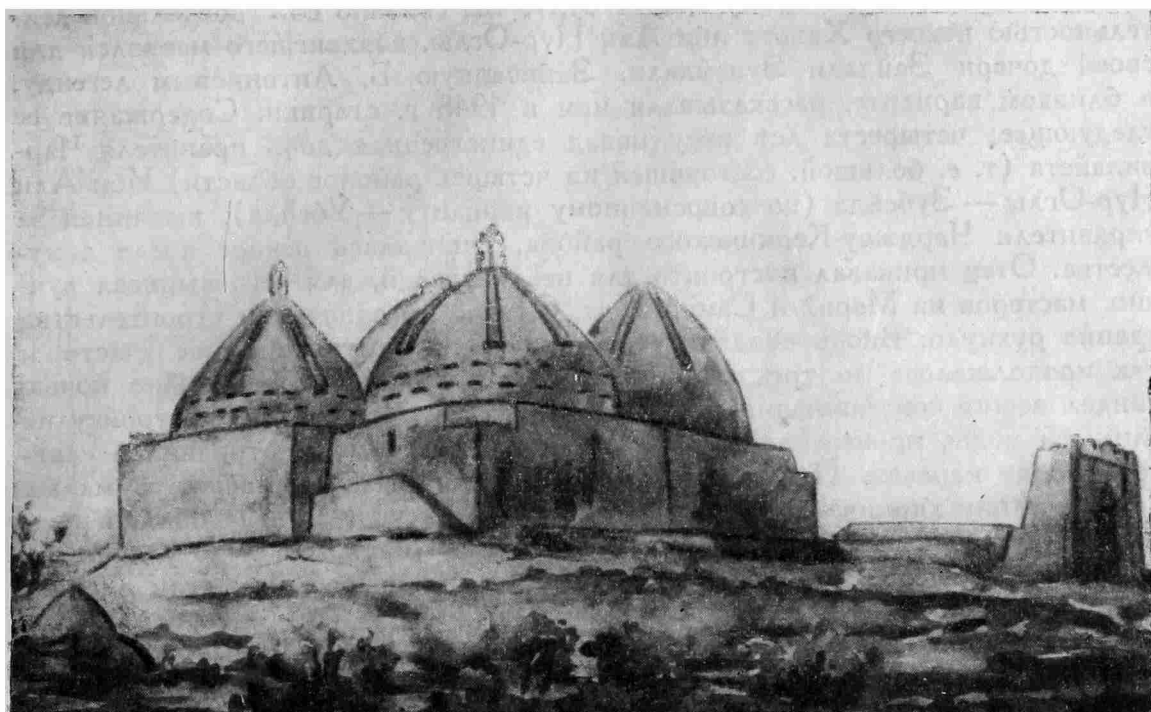
На расстоянии полукилометра от комплекса общественных зданий Астана-бабинского сельсовета, у края проезжей дороги, на территории современного кладбища высится оригинальная четырехкупольная постройка. Древние могилы так окружили здание, что уровень полов его на 2,5—3 м как бы врос в толщу земли (рис. 15).

Этот памятник известен под разными названиями: жители именуют его и мазаром Астана-баба, и мавзолеем двух братьев — Зейд-Али и Зувейд-Али и их жен — Кызляр-биби, а по объяснению старика Джума Джафар Оглы — неких Убейда и Зувейды. Мавзолей издавна пользовался большой

¹ Б. Литвинов]. Астана-баба. «Туркестанские ведомости», 1910, № 25.

² Во время подготовки настоящего выпуска к печати вышла в свет работа А. М. Прибытковой (Памятники архитектуры XI века в Туркмении. М., 1955), где один из разделов посвящен архитектурному анализу мавзолея Аламбердара (стр. 65—76), публикуемого Г. А. Пугаченковой. (Ред.).

³ Состав отряда: начальник ЮТАКЭ М. Е. Массон, этнограф Д. М. Овезов и архитектор Г. А. Пугаченкова.

1

2

Рис. 15. Мавзолей Астана-баба.
— общий вид с юго-востока; 2 — западный фасад.

популярностью у определенной части населения. Считалось, что в нем можно исцелить сумасшествие; «женский» мазар Кызляр-биби привлекал женщин, страдавших бесплодием или приносивших сюда детей, чтобы исцелить их от «сглаза». Б. Литвинов слышал от жителей название «Хазрет Шах-и-Майдан» («святой с Шахской площади»)¹, хотя одновременно записал предание, по которому здание будто бы связано со строительной деятельностью некоего Хазрет ибн Али Нур-Оглы, воздвигшего мавзолей для своей дочери Зайдали Зувайдали. Записанную Б. Литвиновым легенду, в близком варианте, рассказывали нам в 1948 г. старики. Содержание ее следующее: четыреста лет тому назад единственная дочь правителя Чарвилайета (т. е. большой, состоявшей из четырех районов области) Ибн Али Нур-Оглы — Зубейда (по современному варианту — Убейда), выданная за управителя Чарджуу-Керкинского района, скончалась вскоре после замужества. Отец приказал построить для нее мавзолей, для чего выписал лучших мастеров из Мерва и Самарканда. Однако по окончании строительства здание рухнуло. Вновь воздвигнутое сооружение постигла та же участь, и так продолжалось до трех раз. Нур-Оглы пришел в отчаяние, но ночью увидел вещий сон: явившийся ему старец дал совет возвести постройку из глины и воды, привезенных из Мекки. Тогда Нур-Оглы отправил в «святой город» караван. Привезенная оттуда земля была подмешана в малых дозах в глину кирпичей, а вода вылита в колодец, откуда воду брали в нужных количествах на строительство, и сооружение мавзолея было удачно завершено. После смерти Нур-Оглы тело его также погребено в этом здании, в помещении, смежном с усыпальницей дочери.

Легенда, видимо, содержит народное объяснение наличия в комплексном памятнике Астана-баба двух купольных усыпальниц с надгробиями. Возможно также, что в рассказе отразились смутные воспоминания о тех разрушениях и капитальных перестройках мавзолея, которым он подвергался, судя по архитектурным данным, уже в давние времена.

Что же представляет собой этот интересный памятник?

Это комплекс многочисленных разновременных сооружений, пристраивавшихся к какому-то первоначальному ядру, но с известным соблюдением общих планировочных принципов и единства архитектурной композиции. Описание памятника мы даем в хронологической последовательности возведения отдельных сооружений, составляющих архитектурный ансамбль. Взаимное расположение помещений ясно из публикуемого чертежа (рис. 16 — 1).

Ориентация основных осей здания почти совпадает с направлением частей света; вход расположен с восточной стороны; могилы ориентированы с севера на юг.

Из четырех главных, примерно одинаковых по размеру, квадратных в плане, перекрытых большими куполами помещений (рис. 16 — 1, Е, Ж, З, К) помещение «мечети» (Е) — старейшее. Оно сохранило древнюю кладку южной и восточной стен из обожженного кирпича размером $24 \times 24 \times 4,5$ см (варианты размеров — до 23 см в сторонах, до 5 см в толщине); 10 рядов кладки и 10 швов равны по высоте 58 см. Кладка — на хорошем ганчевом растворе.

В южной стене — две неглубокие арочные ниши; арки стрельчатого очертания, округлые в основании, почти спрямляющиеся к замку. Разделяющие их простенки фланкированы трехчетвертными колонками диаметром 48 см, на которых покоятся архивольты арок. Стволы колонок выложены горизонтально и вертикально положенными, чередующимися рядами кирпича, с разделяющим их широким горизонтальным швом и широкими клинчатыми швами между вертикальными кирпичами (до 2,5—3 см).

¹ Вероятно, искаженное «Шах-и-мардан» — эпитет Алиа. (Ред.).

В простенках между колонками кирпич размещен вертикальными рядами, поставленными попеременно то торцом, то плашмя.

Восточная стена сохранила в нижней своей половине древние кладки из спаренных кирпичей, с разделяющим их широким вертикальным швом.

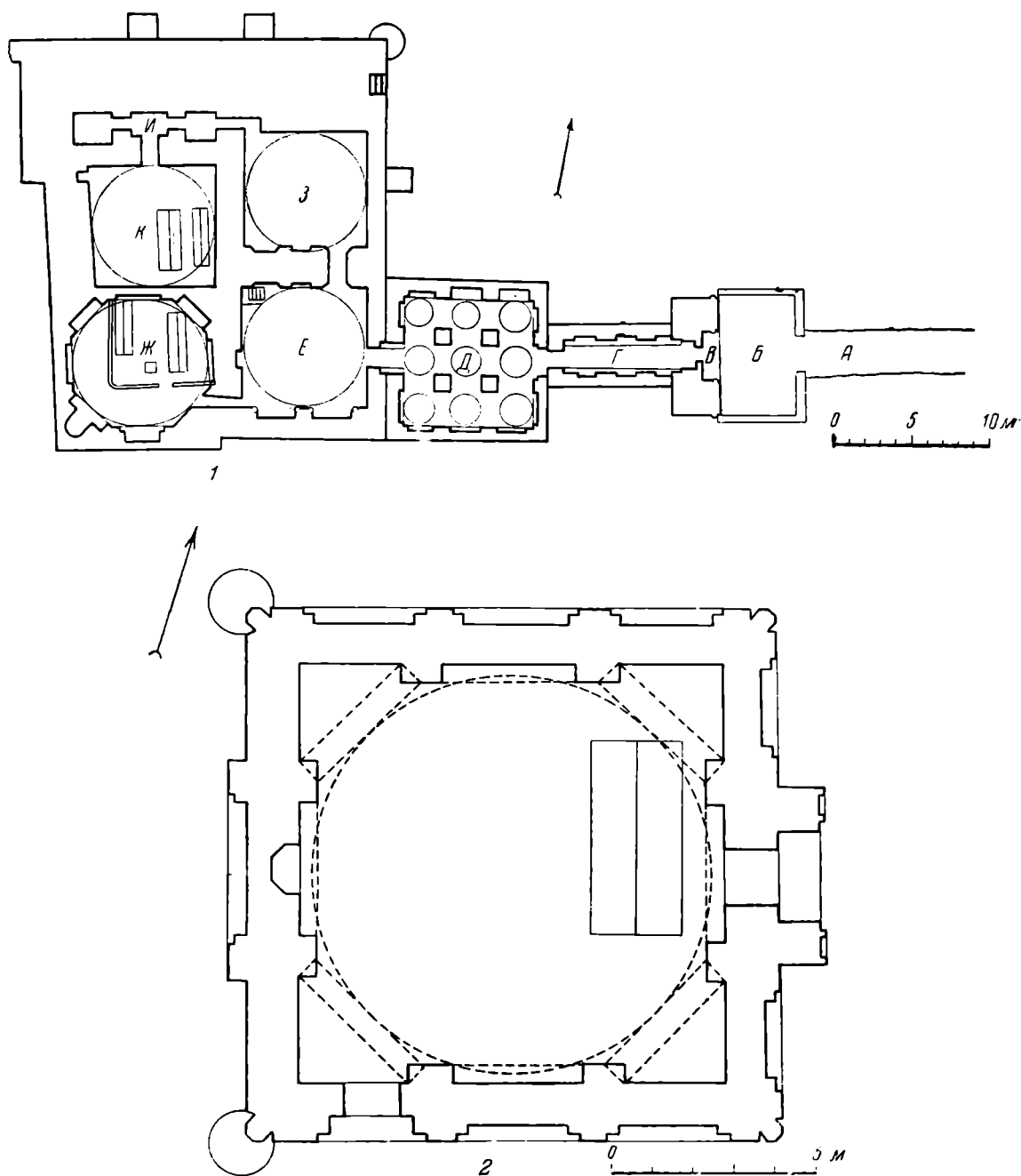

Рис. 16. Планы мавзолеев Астана-баба (1) и Мунтасира (2).

На плане мавзолея Астана-баба: А — открытый коридор, Б — дворик, В — пештак, Г — галерея, Д — четырехстолпный зал, Е — «мечеть», Ж — усыпальница Зейд-Али и Зувейд-Али, З — дивана-хана, И — крытый коридор, К — усыпальница Кызляр-биби.

Здесь заметны остатки двух арок; одна ведет в смежное помещение, другая, ей симметричная, заложена. Эта древняя стена продолжается и дальше, в помещении «дивана-ханы».

Западная стена сильно переделана при последующих реставрациях здания; при этом в ней была устроена против входа (но асимметрично относительно оси помещения) ниша михраба. Тогда же, видимо, в северо-западном

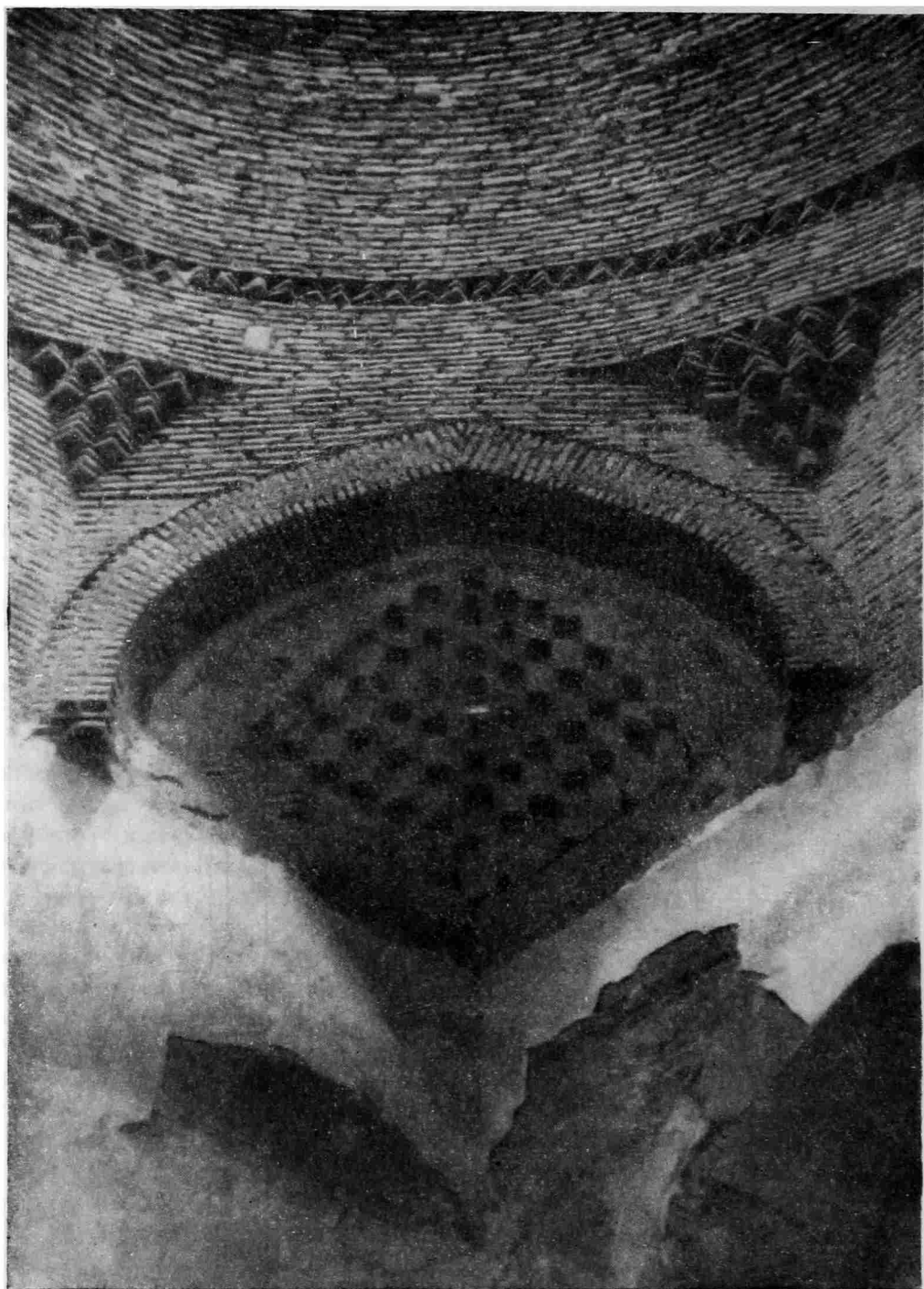

Рис. 17. Мавзолей Астана-баба. Деталь паруса.

углу сооружен кирпичный минбар. Однако вверху, на уровне парусов, сохранился небольшой участок древней кладки спаренными кирпичами.

Северная стена — позднего происхождения. Она выведена из кирпича размером $25-26 \times 25-26 \times 5$ см «вперебежку» швов каждого ряда. Кладка — на алебастровом растворе. Верхний участок оформлен аркатурой из шести разных ниш; например, северо-западная ниша почти вдвое уже остальных.

Переход к куполу через восьмигранник осуществлен посредством парусов «ячеистого типа», образованных многорядным напуском диагонально положенного кирпича (рис. 17). Юго-восточный и юго-западный углы при ремонте не подвергались существенным переделкам; они были лишь

штукатурены, два других паруса переложены. Старый конструктивный прием в них сохранен, но форма кривых в сравнении с четко очерченными архивольтами первоначальных арок очень несовершенна; в северо-западном парусе сохранилось алебастровое лекало, по которому при ремонте корректировали кладку. Купол эллиптической формы переложен при позднейшем ремонте. Снаружи он основан на восьмерике; в верхней части скуфьи купола видны 8 ребер его конструкции, между которыми велось заполнение отсеков поверхности. Верхушку оформляет небольшой фонарь-ротонда, увенчанный куполом. Этот тип конструкции повторен и в остальных трех куполах.

Пол мечети в настоящее время глинобитный.

Для выяснения устройства фундаментов древнейшей части здания а также уровня древнего пола в юго-западном углу «мечети» был заложен небольшой разведочный шурф размером $1,5 \times 1,5$ м. Оказалось, что на 5—6 см ниже слоя натопанной земли находится пол, небрежно выложенный из обломков кирпича, среди которых встречена целая квадратная плита штампованной терракоты размером $28 \times 28 \times 7$ см с геометрическим орнаментом плетенки, основанным на фигуре восьмигранника. Аналогичные плиты вмазаны в портале здания (об этом см. ниже); они датируются XIV в. Лежащий под этим полом 15-сантиметровый слой земли содержит керамику XVI—XVII вв.

Следующий пол выложен также довольно небрежно из целых и битых кирпичей. На этом уровне трехчетвертные колонки ниш сохранили гладкую алебастровую обмазку, которая выше давно облетела. Следует отметить, что большая засоленность почвы разрушила алебастровую штукатурку всего комплекса; штукатурка отслаивается и свисает лохмотьями там, где не производилось регулярной подмазки.

Непосредственно под вторым полом лежит самый древний, сильно попорченный пол, соответствующий по времени кладкам первоначальных стен, от которого сохранилось несколько обломков кирпичей; из них одни квадратные, размером 27×27 см, другие — лекальной формы. На 10—12 см ниже его уровня кладка стен заканчивается. Фундаментов не было.

Расположенное к северу помещение возникло одновременно с «мечетью». Его называют «дивана-хана», т. е. «комната умалишенных». Название это возникло потому, что сюда к врытому некогда столбу привязывали на цепи сумасшедших, привезенных «на исцеление». Кладка стен (кроме древней — южной) — из кирпича размером $25 \times 25 \times 5$ см. Южная стена расчленена на три стрельчатые ниши с прямоугольными панно над ними. Система парусов повторяет конструкции помещения «мечети», но очертания кривых парусных арок сильно заострены; основание эллиптического купола имеет форму не вполне правильной окружности. Помещение полутемное. Свет проникает в него через небольшое световое отверстие в куполе.

Смежно с «мечетью» с западной стороны расположена усыпальница Зейд-Али и Зувейд-Али, оштукатуренная внутри алебастром. В ней находятся два крупных, обмазанных глиной надгробия, окруженных грубой оградой. Основные кладки — из кирпича того же размера, что и в «мечети», — $24 \times 24 \times 2,5$ см; на отремонтированных участках кирпич — различного типа. Наиболее значителен последний ремонт, уже кирпичом европейского образца; тогда же были заложены углы помещения (кроме юго-западного, где оставлена глубокая михрабная ниша), и внутренний план его преобразован из квадратного в многогранный.

Наиболее позднее из четырех купольных помещений комплекса — мавзолей Кызляр-биби. Из «дивана-ханы» в него ведет узкий коленчатый коридорообразный проход, один из участков которого сохранил древнюю кладку спаренным кирпичом размером $24 \times 24 \times 4,5$ см. При составлении архитектурного плана выяснилось интересное обстоятельство: к северу от этого

коридора расположена пятиметровая толща закладки какого-то помещения, проникнуть в которое в настоящее время невозможно.

Мавзолей Кызляр-биби считается «женским»; здесь располагаются две саганы. При посещении Б. Литвинова вход сюда мужчинам был решительно воспрещен. Мавзолей, квадратный в плане, сложен из самого разнообразного кирпича, видимо, взятого с пришедших в ветхость старых построек ($25—26 \times 5$ см; $23—24 \times 4$ см и др.). Система перекрытий и ребристого купола имитирует конструкцию «мечети», но формы арочных кривых неодинаковы, выведены небрежно, купол имеет овальное основание, округленное в углах восьмигранника. На восточной стене между парусами сохранился алебастровый вкладыш в виде лекала; на других стенах арок нет.

Расположенный к востоку от «мечети» четырехстолпный зал квадратен в плане; стены его расчленены тремя нишами; перекрытие девятикупольное. Купола основаны на подпружных арках, переброшенных между стенами и мощными прямоугольными кирпичными столбами.

На основании неправильного отождествления селения Астана-баба со средневековым Земмом¹ и аналогий с древнейшими (столпными) мечетями Средней Азии в 30-х годах высказывалось предположение, будто четырехстолпный зал представляет собой остатки соборной мечети Земма, упоминаемой Макдиси (X в.)². Решить этот вопрос в положительном или отрицательном смысле представлялось чрезвычайно важным.

Наш осмотр показал, что в действительности зал этот пристроен к помещению «мечети» (рис. 16 — 1, E); западная стена его примазана на алебастровом растворе к древней стене, выложенной спаренными кирпичами. Кладка стен и столбов сложена из разномерного кирпича, видимо, взятого со старых построек: $24 \times 24 \times 4$ см, $26 \times 26 \times 5$ см, $21 \times 21 \times 4,5$ см, $23 \times 23 \times 4$ см и др. Кривые арок также разностильны; система парусов — явно позднего типа, скуфьи куполов отремонтированы кирпичом европейского образца.

Для окончательной проверки и для выяснения, покоятся ли несущие конструкции на древних фундаментах, — близ одного из устоев был заложен разведочный шурф, позволивший установить следующее: на 4—5 см ниже утоптанного слоя земли находилась вымостка пола из обломков кирпича; под ним — другая такая же вымостка; на 12 см ниже ее, на грунте залегала выступающая на 25—30 см платформа устоя, сложенная из одного ряда кирпичей размером $28 \times 16 \times 6$ см, с бороздками на постелях. Уровень полов и основания четырехстолпного зала находился выше уровня полов «мечети», к которой он был пристроен в более позднее время.

Галерея, ведущая от входа в четырехстолпный зал, сложена из кирпича $25—26 \times 5—5,5$ см на ганчевом растворе и перекрыта сводом «отрезками». Характерно, что наклон «отрезков» обращен на восток. Таким образом, кладка свода велась от пештака, сложенного из кирпича европейского типа, который с тыльной стороны пештака переходит на кладки галереи. Несомненно, что здесь — следы позднего ремонта. Подтверждение этому находим у Б. Литвинова. Описывая пештак, он сообщает об украшавших его колонках четырех типов, «которые чрезвычайно хороши как по рисунку, так и по выполнению, и являются однотипными с украшениями на оконных щечках могилы Султана Санджара в Старом Мерве»³. В настоящее время колонок этих нет.

¹ Работами 12-го отряда ЮТАКЭ установлено, что в действительности местоположение Земма совпадает с г. Керки.

² Ал-Макдиси (Мукаддаси), Извлечение из «Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим». МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 188; см. также ВГА, III.

³ Б. Литвинов]. Астана-баба. «Туркестанские ведомости», 1910, № 25.

Что касается современного вида портала, то в оформлении его «лопатками», лучковыми арочками и другими деталями кирпичной фактуры чувствуется участие не среднеазиатского, а русского мастера.

Заслуживает внимания группа плиток резной терракоты, видимо, собранных из разных мест и вмазанных над дверью в щековой стене порталной арки. Плитки двух типов — с узором, резанным от руки, и со штампованным орнаментом. Среди плиток резной терракоты отметим часть оформления архивольта арки с куфической надписью «аль-мульк» — «власть» (подразумевается «принадлежит Аллаху») довольно строгого почерка и две плитки с куфической надписью более сложного начертания на фоне утонченного растительного орнамента (резьба трехслойная). Интересно, что в кладку арки четырехстолпного зала у входа в «мечеть» вмазана плита, аналогичная по стилю резьбы и растительного орнамента: на фоне замысловатых растительных сплетений размещено несколько сочных букв почерком несхи.

Ближайшие стилевые аналогии терракотовым плиткам находим в облицовке караханидского мавзолея Афрасиаба¹ и орнаментации резного штука данденаканской мечети конца XI в.²

Орнаментация штампованной терракоты иная. Здесь мы видим квадратные плитки с мотивом «плетенки», основанной на пересечении восьмигранников, мелкую плетенку, построенную также на принципе пересечения восьмигранников, надпись, исполненную витиеватым почерком «дивани» на фоне растительного орнамента. Употребление резной неполивной штампованной терракоты характерно в Средней Азии для XIII—начала XIV в. Ближние к описанным орнаментальные мотивы отмечаем на терракотовом надгробии 1312 г. из Наринджана³. С XIV в. большое распространение получает терракота поливная (ср. мавзолей Буян-кули хана в Бухаре, ранние мавзолеи Шах-и-Зинда в Самарканде и др.); две такие плитки с мелким штампованным геометрическим орнаментом, облитых зеленовато-голубой глазурью, также вмазаны на щипцовой стене портала.

Вымостка прямоугольного двора перед порталом, ограниченного кирпичной оградой, залегает на 2 м ниже уровня обступивших его могил. Попасть в этот дворик можно через узкий, открытый коридор, который, по свидетельству Б. Литвинова, вел сюда от здания ныне не существующей мечети легкого типа, завершавшей архитектурную композицию ансамбля.

Таково в общих чертах описание комплексного сооружения мавзолея Астана-баба.

Обследование памятника показывает, что ни о какой соборной мечети Земма X в. не может быть речи. Древнейшая часть его связана с помещением E (рис. 16 — 1), превращенным в мечеть лишь впоследствии, так как местоположение михрабной ниши, лишенной даже какого-либо архитектурного оформления, — самое случайное. Кладка стен спаренным кирпичом, а колонок — чередованием вертикально и горизонтально положенных рядов, мотив оформления стен интерьера арочными нишами с трехчетвертными колонками в углах — характерны для памятников XI—XII вв. Северного Тохаристана и Северного Хорасана. Ближайшей аналогией может служить 1-й мавзолей из группы Султан-Саадат в Термезе XI в.⁴ Однако наличие

¹ Б. Н. З а с ы п к и н. Архитектурные памятники Средней Азии. М., 1948, рис. 32. Плитки хранятся в Самаркандском музее и, по определению В. Л. Вяткина, принадлежали облицовке караханидской мечети Афрасиаба. Расшифровка М. Е. Массоном некоторых надписей позволила установить, что в действительности терракоты эти украшали мавзолей одного из караханидских правителей второй половины XII в.

² С. А. Е р ш о в. Данденакан (Археологические разведки у Таш-Рабата в 1942 г.). КСИИМК, XV, 1947, рис. 60, 61.

³ Б. П. Д е н и к е. Архитектурный орнамент Средней Азии. М., 1939, рис. 99—102, стр. 108.

⁴ Б. П. Д е н и к е. Указ. соч., стр. 12, 13.

фрагментов резной неполивной терракоты высокоразвитого стиля, характерного для XII в., позволяет уточнить датировку раннего здания первой половиной XII в., т. е. до «гузской смуты», разрушительные последствия которой коснулись и Керкинского района. К этому времени, очевидно, относится и нижний пол, обнаруженный в шурфе «мечети».

Каково первоначальное назначение здания? Если бы это была мечеть, ось постройки была бы обращена в сторону кыблы, т. е. северо-восток — юго-запад. Ориентация же по странам света скорее указывает на то, что это был мавзолей, так как суннитские мусульманские погребения обычно обращены с севера на юг. Видимо, памятник сооружен у могилы высокочтимого духовного лица (мавзолеи светских лиц обычно не окружаются культом), имя которого не сохранилось. Отсюда — долговременный культ, связанный с памятником. Главный мавзолей (ныне именуемый мавзолеем Зейд-Али и Зувейд-Али) имеет, видимо, ту же древнюю основу, но сильно искажен позднейшими перестройками. Об этом можно судить и по кирпичу основной кладки, и по обнаруженной при осмотре интерьера интересной детали — вмазанному в ограду надмогильников фрагменту резного штука с растительной орнаментацией, близкой по стилю к некоторым узорам резных алебастровых облицовок данденаканской мечети (1096/1097 гг.) и дворца термезских правителей (XII в.).

Может быть, в XII в. уже существовал и порталый вход в какой-то дворик при здании, оформленный резными терракотовыми колонками, которые еще застал Б. Литвинов.

К концу XIII—XIV вв., после монгольского нашествия, пагубно сказавшегося на жизни района, пришедшее в упадок здание значительно реставрируют. С этой эпохой мы связываем и вымостку среднего пола «мечети», и развитые ячеисто-сталактитовые конструкции парусов, особенно характерные для памятников первой половины XIV в. (мавзолеи Хасани-Саурани в Хорезме, Сейид-Алаеддина в Хиве, Султана Сейид-Джелаладдина в Касане и др.). Тогда же были изготовлены штампованные резные неполивные плитки, а для особо парадных участков архитектурных поверхностей — поливные терракоты.

Следующая значительная реставрация здания относится к XVI или, скорее, к XVII в. (часть опавших терракотовых плиток XIV в. оказалась в вымостке верхнего пола «мечети»), когда Керкинский район входил в состав сильного Балхского владения. С восточной стороны пристраивается четырехстолпный зал, грубоватые кирпичные устои которого напоминают галереи (на подобных же столбах) мечети Калян в Бухаре (XVI в.) и Тилля-Кари в Самарканде (XVII в.); крытый коридор соединяет его с пештаком. Видимо, лишь к середине XVIII в., когда в области Чарджоу—Керки прочно укрепилось туркменское племя эрсари (может быть, в 40-х годах, когда правителем Керки был влиятельный Рустамбек-кара)¹, относится период капитального ремонта памятника и его основных помещений («мечети», «дивана-ханы» и др.). Еще позднее, возможно, в XIX в., было осуществлено строительство мавзолея Кызляр-биби, на возведение которого брался разнотипный кирпич из пришедших в упадок древних частей комплекса. Для подхода к нему замуровывается часть какого-то помещения в северной группе, так что оставшийся участок его образует темный коридор.

Здание уже глубоко вросло в толщу окружающих его могил, и как на многих других старых среднеазиатских кладбищах (Шейхантаур в Ташкенте, Шах-и-Зинда и Абди-Дарун в Самарканде) подход к нему превратился в род открытого коридора. В таком состоянии застал мавзолей в 1910 г. Б. Литвинов. Капитальная реставрация русским кирпичом

¹ Мухаммед Казим. Надир-наме. Пер. П. П. Иванова. МИТТ, II, стр. 189—191.

главного мавзолея и входного пештака, видимо, связана со строительной деятельностью бухарского эмира в 1918—1920 гг.

Мавзолей Астана-баба — интереснейший памятник местного строительного искусства. Композиция его очень оригинальна. Ее характеризует развитое пространственное решение с осевым построением — от узкого открытого коридора, через полузамкнутый дворик, к небольшому, но достаточно монументальному по пропорциям пештаку, и дальше — через крытую

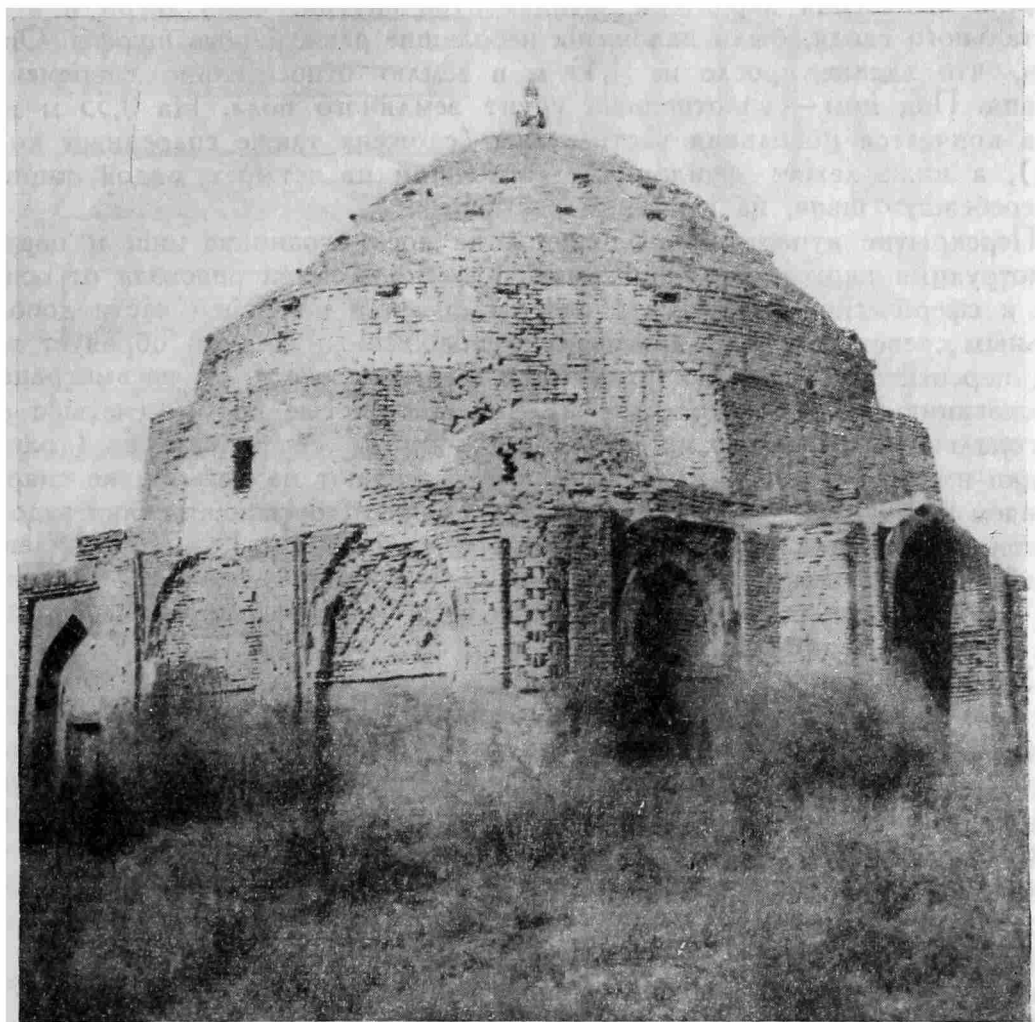

Рис. 18. Общий вид мавзолея Мунтасира (Аламбердара).

галерею в многокупольный четырехстолпный зал, «мечеть» и главный мавзолей. Во внешнем построении доминирует своеобразное четырехкупольное сочетание объемов.

В 3 км к северу от мазара Астана-баба, неподалеку от дороги, среди хлопковых полей, высится небольшой кирпичный мавзолей (рис. 18). Население плохо знает этот памятник; в отличие от мазара Астана-баба он не пользуется популярностью среди жителей.

При опросе далеко не сразу удалось даже установить наименование — мазар Аламбердара (или Аламдара, тугчи — «знаменщика»). По преданию Аламбердар был военачальником, сподвижником Алия. Однажды, продвигаясь в пустыне где-то в районе Астана-баба, отряд его остался без воды. Аламбердар отправился на розыски колодца, уговорившись с воинами, что к ночи, для того, чтобы он не заблудился, ему зажгут огни. Отыскав воду, Аламбердар уже затемно возвращался к отряду, но по ошибке пришел

к огням врагов — кызылбашей, которыми и был убит. Утром его воины бросились на розыски, отбили тело и при погребении воздвигли над ним мавзолей. Было это тысячу лет назад.

Мавзолей однокамерный. Выстроен из обожженного кирпича размером 26—27 см в стороне на 4,5—5 см толщины (10 рядов и 10 швов по высоте равны 57 см). Стены сложены на глиняном растворе, арки паруса и купол — на алебастровом. Кладка стен снаружи и внутри осуществлена спаренным кирпичом, с широким разделяющим вертикальным швом.

Для выяснения характера фундаментов внутри, близ двери и в углу portalного свода, были заложены небольшие разведочные шурфы. Оказалось, что здание вросло на 1,15 м в землю относительно современного уровня. Под ним — уплотненный грунт земляного пола. На 0,55 м ниже пола кончается цокольная часть стены (сложена также спаренным кирпичом), а ниже лежит фундамент, состоящий из четырех рядов кирпича, «вперебежку» швов, на глиняном растворе.

Перекрытие купольное, основанное на восьмиграннике ниш и парусов. Конструкция паруса — в виде сомкнутого свода. Угол перехода от основания к сферической поверхности свода смягчен в пазушной части дополнительным срезом под 45°; диагонально положенный кирпич образует здесь ряд перспективно смыкающихся ниш. Углы перехода от восьмигранника к основанию купола заполняют маленькие ячеистые паруса (четыре ряда диагонально выпущенных кирпичей). Сомкнутые своды парусов (толщина кладки их — всего лишь в полкирпича) выступают на восьмерике снаружи и ничем не замаскированы. В основании арок и парусов для связи заделано диагонально по два деревянных бруса сечением до 13—15 см. Неспиленные деревянные кругляки торчат в уровне начала кривизны арок. Возможно, они служили основанием для подмостей, на которых закреплялось ганчевое правило для кривой.

Здание за все время своего существования лишь один раз было подвергнуто капитальной реставрации, причем заново возведена западная стена, в которой устроили нишу михраба, в наружных углах сооружены круглые башенки — контрфорсы, переложены северо-западный и юго-западный паруса и заново возведена скуфья купола, которому придали форму, несколько напоминающую верх юрты. В кладке купола заделаны в трех уровнях полувыступающие снаружи кирпичи. Верхушку его венчает фигурное навершие — кубба. Кирпич ремонта — размером 25 × 25 × 5 см; кладка — на алебастровом растворе, «вперебежку» швов.

Здание квадратное в плане — 12,8 м по наружной стороне, 8,5 м по внутренней (рис. 16—2). Внутри близ восточной стены находится большое обмазанное глиной надгробие; стены расчленены каждая тремя стрельчатыми нишами. Снаружи северный и южный фасады оформлены тремя неглубокими нишами. Западный фасад, видимо, первоначально был таким же; при ремонте он переложен и в настоящее время включает одну центральную настенную нишу. Центрический характер композиции мавзолея подчеркивается встроенными угловыми восьмигранными колонками (с западной стороны они включены в ремонтные башни — контрфорсы). Главный фасад отличается от боковых тем, что средняя ниша его развита в небольшой пештак, выступающий вперед на 1,08 м и слегка возвышающийся относительно стены.

В оформлении архитектурных поверхностей большую роль играет фактура строительного кирпича. Наряду с характерной кладкой наружных рядов спаренными кирпичами с сильно выраженным вертикальным швом между каждой смежной парой, выделяются особые резные фигурные кирпичи, которые иногда условно именуют «бантиками». Насчитывается их 15 типов, причем в различных взаимных комбинациях они образуют разнообразные варианты геометрического узора. Резьба осуществлена на всей

узкой стороне обычного кирпича, на ее половинке или четверти еще до обжига (рис. 19).

Основная кладка фасада — из спаренных кирпичей. В простенках между арочными нишами введены фигурные кирпичики в виде двух скобок и «сигмы». Арки ниш сложены «отрезками» из плашмя положенного кирпича, но арки портала и входа — клинчатой кладки. В тимпанах настенных арок — ромбовидные фигуры, выложенные из квадратиков. В тимпане арок

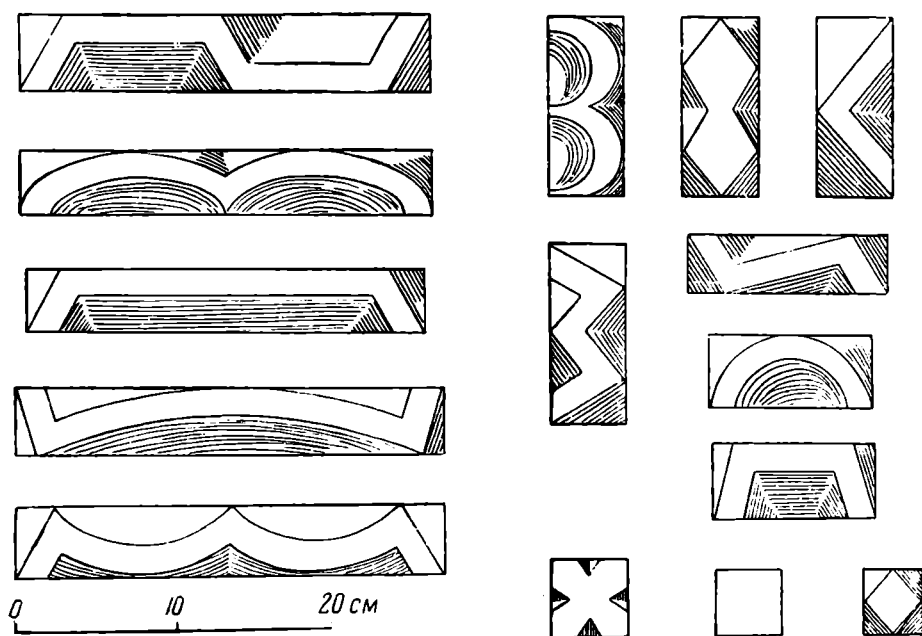

Рис. 19. Типы резных кирпичей. (Мавзолей Мунтасира).

пештака — ажурный узор, образованный из С-образных резных кирпичиков. Межарочные пространства заполняют простые, но разнообразные геометрические фигуры, основанные на зигзаге, на диагональной или квадратной сетке, а также образованные кладкой кирпича «в елку». Горизонтальные бордюры, подчеркивающие линию пяти арок, выложены из резных кирпичиков. Мотивы орнамента очень разнообразны; они варьируются на всех фасадах и содержат фигуры из кружков, эллипсов, ромбов, зигзагов и пр. Очень характерна выкладка угловых колонок чередованием спаренных кирпичей и вертикально поставленных, также спаренных полукирпичиков; так как они расположены по сторонам восьмигранника, то кладка рядов идет как бы «вперебежку» с взаимным последовательным нахлестыванием рядов. Кладка стен интерьера однотипна, выполнена спаренным кирпичом (рис. 20).

На основании стилизованных признаков можно наметить датировку здания. Центрическая композиция главной части сооружения с характерными встроенными колоннами в углах восходит к памятнику IX—X вв. — знаменитому мавзолею Саманидов в Бухаре¹. Однако некоторые элементы — наличие пештака как еще не вполне развитой, но уже определившейся архитектурной формы, переход от индивидуальных фигурных плиток к резным кирпичам — приближают это здание к кругу памятников XI в. Зарождение пештака отмечается в мавзолее Мир-Саид-Бехрам в Кермине² и в так

¹ Мавзолей Саманидов публиковался неоднократно; см., например, Б. П. Денике. Указ. соч., стр. 8—10.

² А. К. Писарчик. Памятники в Кермине. Академия архитектуры СССР. Сообщения Института истории и теории архитектуры, вып. 4, 1944, стр. 22, 25.

называемом Среднем мавзолее Узгенда (оба относятся к XI в.). Прием оформления стен интерьера тремя стрельчатыми нишами использован при сооружении первого мавзолея из комплекса Султан-Саадат в Термезе (XI в.)¹ и мавзолея Абу-Саида в Меана (середина XI в.).

К такому же заключению приводит нас и сравнение кирпичной фактуры стен. В мавзолее Саманидов в Бухаре уже употреблена кладка из трех рядов кирпича с разделяющим их диагонально поставленным кирпичом².

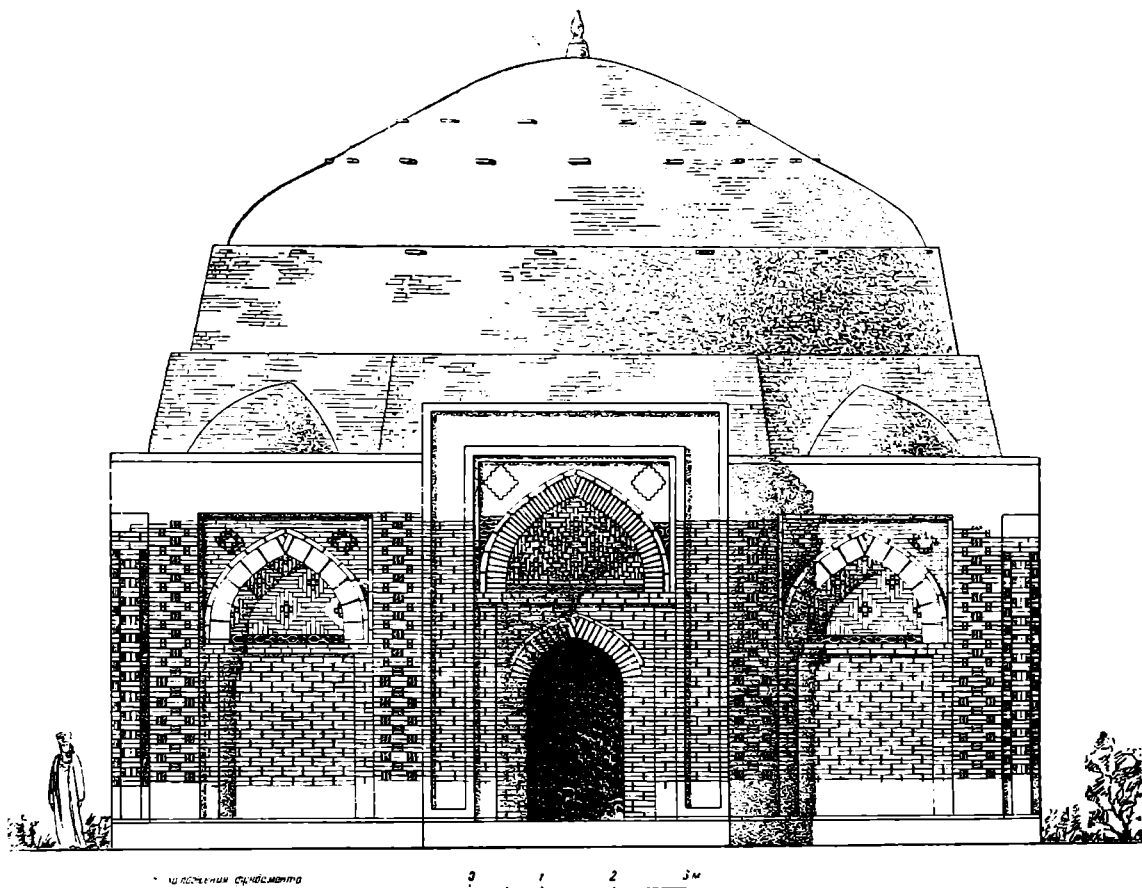

Рис. 20. Мавзолей Мунтасира. Главный фасад. (Реконструкция).

Что касается кладки спаренным кирпичом, то употребление ее характерно для всех упомянутых выше памятников XI в. К ним можно добавить мавзолей Абул-Фазла в Старом Серахсе (около 1024 г.) и Карахана в Джамбуле (XI в.). Выкладка угловых колонок мавзолея Аламбердара, аналогична колонкам мавзолея Мир-Саид-Бехрам в Керамине.

Самый ранний пример появления фигурных резных кирпичей пока отмечен для круглобашенного мавзолея в Ладжиге (1022/1023 гг.) и близкой по стилю и по времени башни в Расджете³. Здесь можно указать аналогичные встречающимся на мавзолее Аламбердара узоры бордюров, выложенных из квадратиков, из полукруглых, скобообразных, трапециевидных фигур, вырезанных на кирпиче. Различные типы фигурных кирпичиков были выявлены на первоначальных (XI в.) кладках айвана двора термез-

¹ А. А. Семенов. Происхождение термезских Сейидов и их древняя усыпальница «Султан-Саадат». ПТКЛА, г. 19-й, Ташкент, 1914 (фотография между стр. 8 и 9).

² Л. Н. Воронин. Кирпичная фактура стены. Труды САИИ, Строительный факультет, вып. 4, Ташкент, 1939, фиг. 5.

³ A. Godard. Les tours de Ladjim et de Rasdget. Athar-e-Iran, t. I, fasc. 1. Paris, 1936, стр. 109—121.

ских правителей¹, в мавзолее Абу-Саида в Меана (середина XI в.). В памятниках конца XI—XII вв. встречаются уже более сложные системы выкладок, чем в мавзолее Аламбердара. Большую роль в них играет резная терракота снаружи и резной штук внутри помещения. Усложняется и орнаментация, в которую широко вводятся надписи (в мавзолее Аламбердара их нет) и растительные мотивы.

Итак, архитектурный анализ позволяет отнести мавзолей Аламбердара ко времени несколько более позднему, чем период сооружения мавзолея Саманидов в Бухаре, но близкому к постройкам XI в.

Изучение некоторых исторических фактов XI в., связанных с городом Земмом, дает основание раскрыть инкогнито погребенного в мавзолее. К концу X в., как известно, Мавераннахр вошел в состав владений Караханидов. С 1003 г. последний Саманид Абу-Ибрагим Исмаил, принявший титул «Мунтасир» (Победоносный), четырежды пытался вернуть потерянную его династией власть. Однако каждый раз он был вынужден бежать за Аму-Дарью².

В конце концов Исмаил пал жертвой интриги Махмуда Газневидского³. Когда в 1004 г. Исмаил прибыл в стоянку арабов, кочевавших в Амульской пустыне (т. е. между Чарджоу и Керки), некий Абу-Абдаллах Махруй, бывший там сборщиком податей от Махмуда, велел арабам устроить засаду на дороге и убить Исмаила. По сообщению ал-Утби, тело убитого было привезено в Маймарг в рудбар Земма и похоронено там в раби 1, 395 г. х. (декабрь 1004 г./январь 1005 г.)⁴. Термин «рудбар» означает берег реки. Что касается Земма, то местоположение его на месте Керки доказано работами ЮТАКЭ в 1948 г. Определение «рудбар Земма» как нельзя более подходит к селению Астана-баба, старинным названием которого, видимо, было «Маймарг». Ал-Утби сообщает далее, что султан Махмуд воспользовался убийством Мунтасира (Исмаила) для того, чтобы разграбить стоянки всех кочевых арабов, наказав для видимости действовавшего, разумеется, не без его ведома Махруя. Быть может, из политических соображений, — для того, чтобы подчеркнуть свое уважение к памяти бывших своих сюзеренов и свои преемственные права на многие из принадлежавших им некогда владений, — Махмуд приказал отстроить над могилой Мунтасира особый мавзолей. Так исторически можно расшифровывать происхождение мавзолея Аламбердара.

Интересно отметить, что элементы исторической правды сохранились в приведенной нами легенде, бытующей до сих пор среди туркменского населения аула Астана-баба. Отзвук исторических событий мы находим в самом наименовании мавзолея; в войске Мунтасира в перипетиях его последней борьбы за Самарканд участвовал глава саманидских газиев Харис, по прозвищу Ибн Аламдар, предводитель трехтысячного отряда⁵. Сам рассказ о гибели «знаменщика» в пустыне между Чарджоу—Керки от руки разбойников-кочевников, переносе его тела сподвижниками в селение Астана-баба и, наконец, предполагаемая датировка эпизода («1000 лет тому назад») — дают почти полное совпадение легенды с историческими событиями, сообщаемыми ал-Утби. Характерно, что мавзолей Аламбердара, как

¹ В. Д. Жуков. Развалины ансамбля дворцовых зданий в пригороде средневекового Термеза. ТАКЭ, Тр. Узб. фил. АН СССР, сер. 1, вып. 2, Ташкент, 1941, стр. 171.

² Абу-Наср ал-Утби. Китаб ал-Иамини. Пер. С. Волина. МИТТ, I, стр. 222—226; В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 282—284.

³ Анализ социально-экономической и политической обстановки в Средней Азии на рубеже X—XI вв. дан в статье А. Ю. Якубовского «Махмуд Газневи» — Сб. «Фердовси», Л., 1934, стр. 51—96.

⁴ Абу-Наср ал-Утби. Указ. соч., стр. 226.

⁵ Там же, стр. 225; В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 284.

мавзолее светского лица, в отличие, например, от мазара Астана-баба, не окружен культовым почитанием.

Мавзолей Мунтасиру мог быть возведен, видимо, вскоре же после погребения, т. е. около 1005 г.¹ Перед нами, таким образом, вероятно, самый ранний в Средней Азии памятник XI в. Он восполняет большой пробел в истории развития среднеазиатского зодчества, в частности, в эволюции мавзолеев от центрических сооружений к порталным.

Сохранившиеся ранние порталные мавзолеи Средней Азии характеризуются выделением главного фасада его приподнятой стеной с развитой аркой входа (мавзолей Мир-Саид-Бехрам в Кермине²; узгендский Средний мавзолей³ — оба XI в.). Вместе с тем уже на примере Рабат-и-Малик⁴ мы видим сильно выдвинутый, объемный пештак. В архитектуре мавзолея Мунтасира (как мы можем теперь называть мазар Аламбердара) как раз наблюдается процесс, когда общее центрическое решение памятника с равнозначной, как в мавзолее Саманидов в Бухаре, трактовкой фасадов нарушается выделением входа особым (пока небольшим) архитектурным объемом портала, который позднее приобретает сильно развитые пропорции.

Мавзолей Мунтасира свидетельствует также о важном в истории среднеазиатского зодчества процессе становления монументальной архитектуры из обожженного кирпича. Если в строительстве саманидской эпохи последний употреблялся лишь в исключительных случаях (постройки Бухары, столицы государства, были по преимуществу сырцовыми, каркасными и деревянными, что вызывало частые пожары, засвидетельствованные письменными источниками), то в XI—XII вв., в период бурного роста феодальных городов и монументального общественного строительства — культового и гражданского — создаются широкие предпосылки для появления качественно нового архитектурного стиля. Взамен системы отдельных, индивидуально трактованных геометрических кирпичных плиток, насыщающих архитектурную поверхность, как в мавзолее Саманидов, появляется ряд сборных деталей, составленных из сочетания мелких фигурных кирпичей, образующих многообразные орнаментальные комбинации, в основе которых лежат элементарно простые фигуры — круг, треугольник, зигзаг и пр. Но рациональная в основе идея конструктивно экономного и внешне эффектного использования фактуры обычного строительного кирпича включает в себе тенденции известного декоративизма форм.

Для мавзолея Мунтасира, как и для ряда других, более поздних монументальных кирпичных зданий XI в., характерно использование кирпичной фактуры и во внешней, и во внутренней отделке. К XII в. интерьеры оформляют по преимуществу резным шtukом или живописью, а во внешнюю облицовку вводят резную терракоту. Наглядную иллюстрацию дает дворец термезских правителей, в одном из залов которого кирпичная кладка XI в. с «бантиками» была закрыта в XII в. толстым слоем резного алебаstra; разумеется, в течение одного столетия кладка не могла разрушиться, и причина здесь лежит в радикальном изменении вкусов. Среди памятников XI в. можно, например, назвать мавзолей № 1 Султан-Саадат в Термезе (XI в.), Абу-Саида в Меана (около 1049 г.), Ярты-Гумбез в Серахсе (1098 г.), мечеть Талхатан-баба (конец XI в.), для которых

¹ Ремонт мавзолея, судя по характеру строительных приемов и типу кирпича, можно отнести к середине XVIII в., когда был капитально реставрирован и комплекс мазара Астана-баба.

² В. А. Нильсен. Мавзолей Мир-Саид-Бехрам в Кермине. Сб. Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана, вып. 1, 1950, стр. 54, 55.

³ Б. Н. Засыпкин. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация. М., 1926, стр. 154 и сл.

⁴ Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии. Проблемы исследования и реставрации. М., 1928, стр. 12 и сл.

характерно фактурное использование строительного и резного кирпича снаружи и внутри. Между тем в таких зданиях Мерва, как мавзолей Мухаммеда б. Зейда (так называемый мавзолей Мухаммеда Ханапья) и мавзолей Султана Санджара (оба первой половины XII в.), кирпичная фактура используется лишь снаружи, в интерьерах же применена стенопись.

Для истории архитектуры мавзолеев в селении Астана-баба — памятники большой принципиальной значимости. Они восполняют недостающие звенья в истории среднеазиатского зодчества; они свидетельствуют, что архитектура Керкинского района в XI—XII вв. развивалась в едином стиле, характерном для областей Серахса, Мерва и приамударьинских районов — от Чарджоу до Термеза включительно.
